

Russia in the 19th — Early 20th Century: Research, Historiography, Sources]. SPb.: Nestor-Istoria. S. 74–89 (in Russian).

Zhurnaly zasedanii uchenogo komiteta Glavnogo pravleniia uchilishch po projektu Obshchago ustava rossiiskikh universitetov [The Session Diaries of the Academic Committee of the Main School Administration on the Draft of the General Statute of Russian Universities] (1862). SPb. IV, 480 s. (in Russian).

I'ina K. A. (2009) Informatsionnye resursy popechitel'ia uchebnogo okruga (pervaia chetvert' KhIKh v.) [Information Resources of the Curator of the Educational District (first quarter of the 19th century)] // Sankt-Peterburgskii universitet v XVIII–XX vv.: Evropeiskie traditsii i rossiiskii kontekst [St. Petersburg University in the 18th to 20th Centuries: European Traditions and the Russian Context]. SPb. S. 37–45 (in Russian).

Kvasov D. A. (2005) Stanovlenie i razvitie pensionnogo zakonodatel'stva o gosudarstvennykh sluzhashchikh Rossiiskoi imperii XIX — nachala XX v. Dis. ... kand. iur. nauk [Formation and Development of the Pension Legislation for the Civil Servants of the Russian Empire in the 19th — Early 20th Centuries. Dis. ... Cand. Jur. Sciences]. M. 191 s. (in Russian).

Kostina T. V. (2012) Peresmotr kadrovogo sostava russkikh universitetov v 1835–1837 godakh [The Revision of the Staff of Russian Universities in 1835–1837] // Uroki istorii — uroki istorika. Sbornik statei k 80-letii Iu. D. Margolisa (1930–1996) [The Lessons of History — Lessons of a Historian. Festschrift for the 80th Anniversary of Yu. D. Margolis (1930–1996)] / Sost. T. N. Zhukovskaia, otv. red. A. Iu. Dvornichenko. SPb.: Nestor-Istoria. S. 234–242 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii (1830). Sobranie vtoroe. T. 2. 1827 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2nd Collection. T. 2. 1827]. SPb.: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi EIV Kantseliarii. S. 1138, 268, 30, 101, XII ts., [7 l.] (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii (1830). Sobranie vtoroe. T. 4. 1829 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2nd Collection. T. 4. 1829]. SPb.: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi EIV Kantseliarii. 1246, 192, 120, 122, 72, 63, 30, 71, X s., [21 l.] (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii (1837). Sobranie vtoroe. T. 11: Otd. Vtoroe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2nd Collection. T. 11: Otd. the Second. 1836]. 1836. SPb.: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi EIV Kantseliarii. 369, 405, 34, 72 s., [2, 7 l.], 20 s. (in Russian).

Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniia (1875). 2-e izd. T. 1: Tsarstvovanie Imperatora Aleksandra I. 1802–1825 [Collection of Resolutions on the Ministry of Public Education. 2nd ed. T. 1: The Reign of Emperor Alexander I. 1802–1825]. SPb.: Tip. V. S. Balasheva. 1864 stb., 43 l., 44 stb. (in Russian).

Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniia (1875). 2-e izd. T. 2: Tsarstvovanie Imperatora Nikolaia I. 1825–1855. Ch. 1: 1825–1839 [Collection of Resolutions on the Ministry of Public Education. 2nd ed. T. 2: The Reign of Emperor Nicholas I. 1825–1855. Part 1: 1825–1839]. SPb. 1576 stb., 69 s., 54 stb. (in Russian).

Svod zakonov Rossiiskoi Imperii, poveleniem gosudaria imperatora Nikolaia Pavlovicha sostavlennyi. Uchrezhdeniia. Izdanie 1842 goda (1842). Ch. 3. Ustavy o sluzhbe grazhdanskoi [Code of Laws of the Russian Empire, Composed by the Order of the Emperor Nicholas Pavlovich. Institutions. The Edition of 1842. Part 3. Statutes on the Civil Service]. SPb.: Tip. Vtorogo Otdeleniia Sobstvennoi EIV Kantseliarii. Pag. 3. 320 s. (in Russian).

Svod zakonov Rossiiskoi Imperii izdaniia 1857 goda (1857). T. 3. Ustavy o sluzhbe grazhdanskoi [Code of Laws of the Russian Empire Published in 1857. T. 3. Statutes on the Civil Service]. SPb. Pag. 3. 316 s. (in Russian).

Tomsinov V. A. (2012) Podgotovka i provedenie universitetskoj reformy 1863 goda [Preparation and Implementation of the University Reform of 1863] // Universitetskaia reforma 1863 goda v Rossii [University Reform of 1863 in Russia] / Sost. i avtor vstup. statei V. A. Tomsinov. M.: Zertsalo. S. LXVIII–CVII (in Russian).

Shipilov A. V. (2003) Zarplata Rossiiskogo professora v ee nastoiashchem, proshlom i budushchem [The Salary of the Russian Professor in its Present, Past and Future] // ALMA MATER. Vestnik vysshei shkoly [ALMA MATER. Higher School Herald]. № 4. S. 33–42 (in Russian).

Илья Викторович Сидорчук

кандидат исторических наук,
доцент Высшей школы общественных наук Гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого»,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: chubber@yandex.ru

УДК 94(47) 1917/1930

Основные особенности институционализации новых научных учреждений в послереволюционной России (на примере Петрограда-Ленинграда)¹

В рамках статьи предпринята попытка выявить основные тенденции в институционализации научных учреждений в условиях постреволюционной России, указать проблемы, возникавшие при создании новых научных центров, и проанализировать пути их решения, выбираемые научным сообществом. На материале опубликованных и архивных источников определены стратегии взаимоотношений научной элиты с властью в исследуемый период. При проведении исследования автор исходит из идеи преемственности исторического опыта и традиций дореволюционной и советской науки. На примере ряда научных учреждений на тот момент главного научного центра страны Петрограда-Ленинграда (Государственная академия истории материальной культуры, Яфетический институт, Институт по изучению мозга и психической деятельности, Института народов Севера, Российского института прикладной химии и др.) показана судьба как отдельных ученых, так и их проектов, проанализированы причины их успеха или провала. Отдельное внимание уделено вопросу введения марксизма в науку в 1920-х гг., рассмотрены его последствия для различных научных центров. Автор приходит к выводу, что в 1920-х гг. во многом сохранялись тенденции в развитии науки, сформированные в дореволюционную эпоху. При этом в первые послереволюционные годы даже поддержка власти не гарантировала учреждениям финансового благополучия, с чем связана неразбериха в работе учреждений, выделения и слияния и т. п. Одновременно политика расширения научно-образовательных центров, да и сам революционный дух эпохи позволяли реализовываться смелым планам, история которых заслуживает внимания, даже если она была очень краткой. Также в статье сравнивается положение гуманитарных, технических и естественно-научных научных центров, различие в котором стало особенно ощущаться с конца 1920-х гг. **Ключевые слова:** история науки, ученое сообщество и власть, институционализация науки, советская наука 1920-х гг., история высшей школы.

Отличительной чертой отечественной науки на протяжении всей ее истории была высокая степень зависимости от государства. Легитимация многих изобретений и научных проектов происходила путем их одобрения властью [Никифорова, 2015]. После Октября 1917 г. в условиях невозможности внесударственного финансирования науки и постепенного усиления идеологического контроля ученое сообщество вынуждено было разрабатывать во многом новую

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук, проект МК-6876.2016.6.

стратегию взаимоотношений с властью. Ученые ощущали свою значимость для государства, претендовали на высокую роль в общественно-политической жизни страны, а также сохраняли претензии на определенную независимость — академическую свободу, идеологический и научный плюрализм, что не могло не порождать конфликт. Рассмотрим основные особенности институционализации новых научных учреждений в постреволюционный период, проблемы, с которыми сталкивались ученые при попытках реализации различных научных проектов, и проанализируем пути их решения. Исследование сконцентрировано на изучении учреждений, располагавшихся в Петрограде-Ленинграде, являвшемся вплоть до 1930-х гг. главным научным центром страны.

В начале XX в. многие ведущие представители ученого сообщества выступали за существенное реформирование научной жизни — создание научно-исследовательских институтов, преподавание в вузах ряда новых дисциплин, междисциплинарные исследования и т.д. Это являлось свидетельством выхода отечественной науки на новый уровень, ее способности решать более сложные задачи, готовности к кардинальным изменениям. Сознание того, что «существующие институты перестали адекватно реагировать на проблемы, поставленные средой» [Кун, 1977, с. 128], было очень характерно для ученых периода и тесно переплеталось с политическими ожиданиями значительной их части. Представление, что научная революция совпала с социально-политическими катаклизмами, позволяет объяснить ту активность и скорость, с которой различные научные проекты стали создаваться, начиная с 1914 г. и особенно с 1917 г.

Здесь стоит оговориться, что признание уникальности ситуации в науке этого периода не должно в обязательном порядке подразумевать своевременности сформировавшихся в этих рамках идей. В частности, в постсоветской историографии понятное стремление изучения истории вне идеологических рамок подчас выражается в превознесении достижений науки прошлого, попытках их искусственной актуализации. При этом декларирование жизненности тех или иных школ и идей совершенно не означает их использования на практике. Для постсоветской историографической рефлексии также характерен концепт «наука, которую мы потеряли», понимание установления большевистской власти и советского реформирования науки как катастрофы для развития научного знания, отбросившей его на десятилетия назад. При всей болезненности революционных изменений, приведших к гибели или эмиграции выдающихся ученых, интеллектуальное пространство 1920-х гг. не испытывало недостатка в смелых и достойных внимания идеях и проектах, часть из которых блокировалась новой властью, при том что другая смогла реализоваться благодаря ее поддержке.

«Это было время проектов и смет»

«Это было время проектов и смет, пусть потом безжалостно обкорнанных цензурой жизни, но от этого не ставших ни глупыми, ни праздными, какими хотят их представить теперь иные чересчур прозревшие мечтатели» [Эренбург, 2008, с. 325]. Такими словами описывал И. Эренбург первые послереволюционные годы, когда происходил настоящий бум учредительства новых научных центров. Как справед-

ливо отметил А. А. Курепин, «советское правительство хотело продемонстрировать свою заинтересованность в ускоренном развитии науки, поощряло открытие новых институтов и вузов без учета финансовых возможностей» [Курепин, 2003а, с. 13]. Исследователь темы не может не обратить внимания на быструю институционализацию «целого ряда научных направлений, до 1917 г. в России отсутствовавших или находившихся в зачаточном состоянии» [Александров, 1989, с. 68]. Одновременно, все проекты наталкивались на отсутствие средств на их содержание, чем, прежде всего, и объясняется их короткая, но подчас яркая жизнь.

Особенности взаимодействия ученого сообщества с большевиками во многом были унаследованы от предреволюционного периода. Границей во взаимоотношениях науки и власти стал 1914 г. — начало Первой мировой войны. Речь идет о свертывании международных контактов, тенденциях к автономному развитию национальной науки, усилении ее зависимости от государства (частные инициативы могли блокироваться властью, а масштабные проекты, направленные на решение актуальных задач технического развития, не могли реализоваться вне государственной поддержки). Еще одной особенностью являлось сохранение претензий ученого сообщества на важную роль в социально-политической и культурной жизни. Применительно к высшему образованию речь шла как о расширении сети институтов и университетов, так и о стремлении власти добиться лояльности студенчества, значительная часть которого была настроена как против царской, так и против большевистской власти.

Успех институционализации новых научных центров напрямую зависел от признания властью их необходимости. Первая мировая война потребовала быстрого скачка в научно-технической сфере. При этом ученым сообществом двигали как искренние патриотические устремления, так и желание реализовать собственные научные и административные амбиции. Например, одной из задач, которую с началом войны было необходимо срочно решить, стало создание химического оружия и средств защиты от него. Для этого при Петроградском университете осенью 1915 г. при Русском Физико-Химическом обществе был создан Военно-химический комитет. Вскоре стала продвигаться идея о преобразовании Комитета в Институт, который должен развивать химическую промышленность уже в мирное время. Показательна Пояснительная записка 1916 г. о проекте организации Института по изготовлению химических препаратов, в которой ученые, прекрасно понимавшие тяготы военного времени и истощенность ресурсов страны, предлагали установить жалование директору будущего института в размере 12 000 руб. в год, заведующим лабораторий — 6 000 руб. в год, а лаборантам — 3 600 руб. в год. Объяснялась необходимость затрат тем, что в условиях военного времени для срочной реализации задач о них думать особенно не нужно, и они окупятся в мирное время [Пояснительная записка ..., л. 129 об., 130]². Таким образом, даже во время Первой мировой войны крупные научные проекты «отражали не только “патриотические чувства” профессоров, но и желание использовать в корпоративных целях общественно-политическую ситуацию» [Постовцев, 2009, с. 320]. Попытки реализации этих планов были

²Для сравнения содержание Министра народного просвещения П. Н. Игнатьева в 1916 г. составляло 22 000 руб., помощника попечителя Петроградского учебного округа — 6 925 руб., а ректора Петроградского университета Э. Д. Гримма — 4 200 руб. [Список лиц ..., 1916, с. 3, 219, 222]. Даже с учетом поправок на инфляцию и рост цен, зарплаты более чем достойные.

и после Октября 1917 г. Члены Военно-химического комитета стремились к его реорганизации, превращению «в постоянное государственное учреждение с прочным и достаточно солидным бюджетом» [Объяснительная записка ..., л. 18]. Таким учреждением стал созданный в 1919 г. Российский институт прикладной химии.

Если предлагаемые властью проекты шли вразрез с интересами ученого общества, то они получали серьезный отпор. В качестве примера можно привести историю попыток организации в Петроградском университете медицинского факультета, ставшую особенно своевременной после 1914 г. Профессорское сообщество выступило против этого, мотивируя тем, что включение в цикл преподаваемых в университете дисциплин предметов узкопрактического характера и вхождение в состав представителей чисто практических профессиональных знаний нарушит научную жизнь и дух университета [Ростовцев, 2015, с. 58].

Попытки сохранить подобную независимую стратегию предпринимались и после Октября, но были обречены, так как власть хоть и не желала обострения конфликта, но и не боялась его, что стало ясно уже после радикального решения проблемы саботажа новой власти учеными в 1917–1918 гг. Власть исходила из того, что «наука имеет классовый характер», и требовала от ученых «вновь связать науку с миром труда» [Богданов, 1924, с. 222, 226].

Появление и поддержка новых научных центров могли быть связаны и с наличием неформальных выходов на представителей власти. Нельзя исследовать взаимоотношения науки и власти без учета данных, которые просто не могли найти отражения в традиционных источниках. В частности, Н. Я. Марру решать многие административные проблемы помогали хорошие отношения с А. В. Луначарским, М. Н. Покровским, А. С. Енукидзе [Апатов, 2011, с. 80–81; Тункина, 2000, с. 146–147]. Среди других видных большевиков ученый активно контактировал с заместителем А. В. Луначарского З. Г. Гринбергом и заведующей Отделом по делам музеев Н. И. Троцкой³. В частности, после того как Н. Я. Марр добровольно сложил с себя обязанности председателя Академии из-за несогласия с результатами голосования по кандидатурам Товарища Председателя и Ученого секретаря⁴, Н. И. Троцкая отправила телеграмму, в которой от лица Коллегии по делам музеев и московских членов Академии протестовала против отставки ученого и требовала «от меньшинства подчиниться воле избирательного собрания» [Троцкая, 1919]. Вполне возможно, что роль в успехе реализации этого проекта сыграла школьная дружба одного из ее организаторов, Б. В. Фармаковского, с В. И. Лениным.

Ряд инициатив не одобрялся властью по политическим соображениям и из-за репутации ученых, предлагавших их. Подобная судьба особенно характерна для гуманитарных дисциплин, как менее важных в решении задач промышленного восстановления страны, но при этом способных препятствовать тенденциям к идеологической монополизации. В частности, речь идет о социологии, угрозу в которой видело еще царское правительство, всячески противившееся ее институционализации. Виднейшие российские социологи — М. М. Ковалевский, П. А. Сорокин и др. были не только учеными, но яркими общественно-политическими

³ Отметим, что в 1918 г. Н. Я. Марр был назначен членом Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников [Быковский, 1933: 94].

⁴ Н. Я. Марр воспринял это как отсутствие должной поддержки со стороны коллег [Журнал заседания... 14 августа, 1919, л. 4–5].

деятелями. Неудивительно, что к инициативам социологов новая власть также относилась с подозрением. Не получила развития деятельность созданного в 1916 г. Социологического общества им. М. М. Ковалевского. Не была поддержана идея А. С. Лаппо-Данилевского об организации в рамках Академии наук Института социальных и политических наук (Социологического института). Краткая жизнь Социобиблиологического института (1918–1921 гг.) также объясняется отсутствием поддержки со стороны руководства Наркомпроса, несмотря на наличие среди его сотрудников марксистов (М. Серебряков, С. Оранский, Е. Энгель и др.).

В чехарде первых послереволюционных лет некоторые центры даже не успевали наладить работу, так как вскоре были объединены или закрыты. Достаточно вспомнить историю 1-го, 2-го и 3-го Петроградских университетов. Во 2-й Государственный Петроградский университет был переименован университет, состоявший при частном Психоневрологическом институте. На его отделении общественных наук работали такие специалисты, как А. С. Лаппо-Данилевский (курс общей социологии), К. М. Тахтарев (эволюция форм политического и общественного строя), Н. А. Гредескул и П. А. Сорокин (история социологических учений) [Отчет о деятельности ..., л. 183]. Ректором университета был историк М. Д. Приселков. Как отмечалось в университетском отчете, прием в него проводился в рамках требований новых властей, то есть свободно для всех желающих без ограничений: «Этого взгляда II Университет держался и ранее; осуществлялся по мере возможности и в дореволюционную эпоху прием без ограничений, как в смысле образовательного ценза, так и по вероисповеданию. Лица, не имеющие диплома об окончании средней школы, принимались Университетом, начиная с 1908 г., даже в обход официальных требований М. Н. П.» [Акименко, 2000, с. 48]. Видимо, организаторы Университета пытались показать соответствие концепции учреждения представлениям новой власти о высшей школе. 2-й Петроградский университет просуществовал всего лишь до 2 августа 1919 г., когда Наркомпросом было принято постановление о преобразовании 1-го, 2-го и 3-го [бывшие Высшие (Бестужевские) женские курсы] университетов в Единый Петроградский государственный университет. Из факультетов 2-го Петроградского университета был организован ряд высших учебных заведений: Государственный институт медицинских знаний, Петроградский государственный химико-фармацевтический институт и др. Сам Психоневрологический институт остался только научно-исследовательским учреждением. С одной стороны, реорганизация привела к расширению сети научных центров, но, с другой, это привело к специализации, сосредоточению научной деятельности на относительно узких направлениях и, следовательно, негативно сказалось на развитии идей синтеза различных научных областей.

«С окончанием романтической эпохи...»

«С окончанием романтической эпохи в городах вновь появились часы и собаки. <...> Профессор Благосветлов, неблагодарно забытый соседями, продолжал, однако, ходить ежедневно в свою лабораторию, но времяпровождение его в ней значительно изменилось. Порезанное сукно на столе в кабинете было зашито, появились пробирки и колбочки. На прозекторском столике каждодневно дрыгала

лапками совершенно свежая собачонка, и звонкоголосые молодые республиканцы, под руководством профессора, обогащали отечественную науку новыми исследованиями. В пол вставили новую кафельную плитку, точно так же, как и в бок плиты в профессорской кухне, изувеченный двухгодичным расколачиванием ударной воблы» [Лавренев, 1968, с. 552]. С началом нэпа качество жизни ученых постепенно начало улучшаться, но это вовсе не означало идеологических послаблений. Наоборот, укрепление власти позволяло ей усилить нажим на ученых. На всероссийском партийном совещании по народному образованию (31 декабря 1921 г.) нарком просвещения А. В. Луначарский призывал «покончить с идеей автономии высших учебных заведений как с явным фетишем для нашего времени» [цит. по: Курепин, 2003а, с. 33]. Ректор Петроградского университета Н. С. Державин назвал призывы к автономии контрреволюционными, полагая, что к «автономии» мы, конечно, придем тогда, когда рабочий класс окончательно сломит сопротивление буржуазии и закрепит за собою все свои завоевания, в том числе и высшую школу» [Державин, 1923]. Такие слова явно угрожали стратегии ученого сообщества, которое, выжив в Гражданскую войну, хотело восстановления своего статуса и определенной независимости. Тем не менее ему пришлось идти на компромисс.

Легче было наукам, необходимость развития которых была очевидна для новой власти (достаточно вспомнить ее лояльность к И. П. Павлову). Рост сети научных учреждений и организаций объясняется поддержкой тех проектов, которые могли принести пользу промышленности — Оптический институт (1918 г.), Институт Фотографии и Фототехники (1918 г.), Гидрологический (1919 г.), Физико-технический рентгенологический (1922 г.), Вычислительный (1921 г.), Научно-мелиорационный (1921 г.), Опытной агрономии (1922 г.), Центральная радиолоборатория (1922 г.) и т.д. Впоследствии многие возникшие в первые послереволюционные годы центры вливались в другие. Астрономо-геодезический институт, образованный в 1919 г., в 1923 г. был объединен с Государственным вычислительным институтом в Астрономический институт. Химико-фармацевтический институт был создан в 1919 г., а в 1924 г. реорганизован в химико-фармацевтический факультет университета, но в 1937 г. вновь был восстановлен в качестве самостоятельного учреждения. Центры могли возникать на базе дореволюционных училищ, больниц, курсов и т.д. Так, Научно-практический институт охраны материнства и младенчества появился в 1925 г. на базе Выборгской детской больницы и, пережив несколько переименований, в 1935 г. стал Педиатрическим медицинским институтом.

Некоторые педагогические институты в итоге присоединялись к Педагогическому институту им. А. И. Герцена. Так случилось с Педагогическим институтом дошкольного образования, созданным на основе реорганизации педагогических курсов при Фребелевском обществе. В состав института также вошел Институт педологии и дефектологии. У центров, имевших дореволюционную историю, мог быть определенный вес в научном мире, четко выработанная стратегия развития, статус и часто материально-техническая база.

Не желая становиться «чужими», многие представители гуманитарных наук старались показать свою пользу власти и обществу. Например, один из ведущих научных центров страны, наследница Российской императорской археологической комиссии, Академия истории материальной культуры в поисках поддержки со стороны власти включила в свой устав положение о культурно-просветительской деятельности: «Академия всеми мерами способствует развитию и распростране-

нию в стране знаний, относящихся к памятникам древности, искусства и старины и правильного понимания их культурной ценности и значения. В этих целях Академия содействует просветительным организациям в устройстве ими публичных лекций и выставок и командирует своих работников для руководящих чтений или разъяснений, по специальностям Академии» [Устав Российской академии, 1919, с. 5]. Подобная ситуация автоматически сводила на нет желание академического сообщества к полной независимости от идеологии. Искусственная привязка целей учреждений к политике властей была лишь временной индульгенцией от вмешательства в их работу.

Полноценной жизни уже существовавших центров препятствовали обыденные трудности — финансирование, помещения, дрова, пайки и т.п. Причем речь идет и о тех, которые пользовались расположением властей. В качестве примера можно привести «любимое детище» Н. Я. Марра — Яфетический институт (будущий Институт языка и мышления), основанный в 1921 г. и ставший центром разработки впоследствии всеильного «нового учения о языке». Ревностный последователь Н. Я. Марра С. Н. Быковский писал, что именно Октябрь дал тому возможность «открыто высказывать свои научные взгляды и пропагандировать новую теорию» [Быковский, 1933, с. 94]. С этим утверждением, несмотря на его идеологический пафос, можно согласиться, об этом писали и противники Н. Я. Марра. Так, славист В. Н. Перетц в 1924 г. в письме А. И. Соболевскому резко отзывался об Институте как из-за несогласия с яфетидологами, так и из-за того, что учреждение высасывает «много казенных денег» [цит. по: Робинсон, 2004, с. 147]. Действительно, А. В. Луначарский поддерживал Институт и откликался на просьбы его руководителя о выделении средств [Алпатов, 2011, с. 80–81], а М. Н. Покровский помог Н. Я. Марру получить «согласие Госиздата на принятие на себя печатания серии изданий по яфетидологии» [Протоколы заседания Совета, 1923, л. 63–63 об.]. Благодаря поддержке и доверию властей Н. Я. Марру предоставляли заграничные командировки, что позволило ему являться «одним из первых советских ученых, который в первые послереволюционные годы находился в длительном и непосредственном общении с учеными разных стран — Германии, Англии, Франции, Италии, Испании» [Миханкова, 1949, с. 312]. За период с 1920 по 1923 г. он провел за границей около 1,5 лет.

При этом о полном благоденствии учреждения говорить вряд ли придется. Помещением Института, где и проходили заседания, стала одна из комнат в квартире Н. Я. Марра в академическом доме (Васильевский остров, 7-я линия, дом 2) [Анфертьева, 2013, с. 12]. В июне 1924 г. ученый в письме из Тифлиса С. Ф. Ольденбургу жаловался на отсутствие финансирования института (на деятельность «дается 20 рублей в месяц! Здесь никто этому не верит»), что ведет к его «безжизненному прозябанию». Далее он рассуждал о возможности перехода на работу в одну из кавказских республик, где «никто менее 70 р. не получает на службе в Баку, а в Тифлисе 120 р. в месяц, а на научные цели им отпускается согласно их потребностям!» Со свойственной ему экспрессией он рассматривал и альтернативный вариант — уехать заниматься земледелием в родную деревню [Письмо Н. Я. Марра ..., л. 45 об.]. Таким образом, на первых порах Институт, несмотря на поддержку властей, испытывал значительные стеснения.

«Истинно передовой ученый не может быть реакционером по самой конституции своей...»

«Класс никогда не кончает самоубийством, хотя умиранию своему способствует сам. <...> Его гибель, естественно, вызывает судороги в смежных организмах, и в этом заключены причины сомнений, страха и зачастую прямой враждебности их жизнотворным силам революции. Истинно передовой ученый не может быть реакционером по самой конституции своей...» <...> Программа речи была велика; необходимо было показать, как синтезировались в марксизме достижения естественных наук, подчеркнуть роль ученых в Советской стране и проиллюстрировать примерами, как всякий приходит к социализму через данные своей науки. <...> Это говорил простой рабочий, и тем суровее была его прокурорская речь, что прямолинейному разуму его недоступны были смягчающие обстоятельства...» [Леонов, 2013, с. 546–547]. Роман Л. Леонова «Скутаревский», в котором речь идет о роли ученого в СССР в период индустриализации, при всей идеологической выдержанности позволяет прекрасно прочувствовать то повышение градуса научных дискуссий, постепенное проникновение в науку так пугающей тихого интеллигента агрессии, присущей митингам и трибуналам. Исследователь К. А. Богданов отметил, что «начиная с середины 1920-х годов характерной особенностью идеологических рекомендаций, адресуемых ученым-гуманитариям, становится декларативная апология языковой и терминологической “простоты” научного дискурса» [Богданов, 2006, с. 87]. Приток в науку марксистов, подменявших в дискуссиях научные аргументы вненаучными и приносивших в нее схему партийных дискуссий и репрессий, а также новые задачи, поставленные государством перед учеными, складывание системы контроля над деятельностью научных центров обозначили начало новой вехи в истории организации отечественной науки.

Во второй половине 1920-х гг. обострилась борьба между научными школами, победу в которой могла гарантировать исключительно поддержка власти. Это привело к развертыванию «битв за марксизм», обещавших триумф победителю и горе побежденному. Эпоха «ученых-диктаторов», начавшаяся еще до революции, со временем лишь развивалась, дойдя в период сталинизма до своего пика — концепции «одна наука — один лидер». Происходила «фетишизация научного авторитета» [Александров, 1989, с. 72], которого сначала создавали, а потом ревностно ему поклонялись. К ним можно отнести И. П. Павлова, Т. Д. Лысенко, В. И. Вернадского, М. Н. Покровского. Тот же Н. Я. Марр, заручившись поддержкой марксистов, добился расправы со своими оппонентами. В 1929 г. он, вторя властям, заявлял, что победа революции — «внутренняя, величайшая победа», что классовая борьба ширится по всем направлениям, и «тем ожесточеннее необходима борьба с рядами реакционного наступления» [Марр Н. Я. Наука ..., л. 4]. В это же время он не забывал напоминать власти о необходимости повышения финансирования науки. Показательно, что при этом он старался смягчить чистку Академии истории материальной культуры, где основную часть составляли представители «старой школы», члены одной с ним корпорации, не являвшиеся конкурентами в его борьбе за «марксистское языкознание».

Пример историка М. Н. Покровского показывает, что уже спустя несколько лет таких лидеров могли свергнуть. Причиной заката той или иной школы могла стать смерть ее руководителя. Прекрасной иллюстрацией этого является судьба В. М. Бех-

терева и его рефлексологии, претендовавшей на статус единственно марксистского направления в психологии. Возглавляемые им учреждения, в частности, Институт по изучению мозга и психической деятельности, уже при жизни названный в честь своего основателя, после его смерти в декабре 1927 г. стал не только испытывать серьезные проблемы с финансированием, но и подвергаться жесткому напору со стороны оппонентов. В итоге он проиграл борьбу за признание властью, и последователи В. М. Бехтерева всеми способами старались спасти Институт, в том числе и отказываясь от идей своего учителя. Если В. М. Бехтерев мог добиваться правительственных субсидий, то его наследникам это было сделать сложнее. Активизировались другие учреждения, занимавшиеся схожими проблемами, велась борьба за финансирование и между различными отделами Института [Сидорчук, 2017].

В конце 1920-х гг. правительству как никогда стала нужна помощь научного сообщества в тех направлениях, которые были связаны с техническим развитием. По подсчетам А. А. Курепина с 1928 по 1932 г. количество научно-исследовательских учреждений в Ленинграде выросло с 86 до 190, что составляло около пятой части их числа в СССР [Курепин, 2003а, с. 125]. Даже Академия наук «обязывалась изучать естественные производительные силы страны и содействовать их использованию, приспособлять результаты своей научной деятельности к практическому применению в промышленности и культурном строительстве» [Курепин, 2003б, с. 143]. Это сопровождалось радикальной перестройкой научных учреждений, подчиненных решению задач пятилетки. Институты появлялись и быстро исчезали, порождая бюрократическую неразбериху, негативно сказывавшуюся на результатах их работы. Ярким примером является Политехнический институт. В конце апреля 1930 г. Комиссия Совнаркома СССР по реформе высшего и среднего образования приняла постановление, согласно которому на его базе создавалось 12 отраслевых институтов. Формально институт прекратил существование 30 июня 1930 г. Лаборатории и мастерские отныне принадлежали разным вузам и, следовательно, разным трестам, что не позволяло обеспечить эффективность учебного процесса. Не лишним будет упомянуть, что при этом с начала XX в. не было построено ни единого здания лабораторного характера. С другой стороны, директорами новых институтов были назначены в основном выпускники-политехники, что обеспечило преемственность институтских традиций. Разукрупнение института, введение непрерывной производственной практики и группового метода позволило за один год выпустить инженеров больше, чем за весь период с 1918 г., хотя качество подготовленных кадров вызывало много вопросов.

Среди проектов, реализованных в Ленинграде в конце 1920-х гг., стоит выделить Институт народов Севера, в ранней истории которого воплотился противоречивый дух эпохи. В 1925 г. на рабфаке Ленинградского университета стала учиться первая группа студентов из коренного населения Севера. В следующем году их перевели на созданное при рабфаке Ленинградского института живых восточных языков Северное отделение, которое в 1929 г. было преобразовано в факультет. В 1930 г. отделение было реорганизовано в Институт народов Севера — самостоятельное учебное заведение. Наряду с пониманием необходимости воспитания и образования представителей коренных северных народностей, механизм реализации проекта вызывал критику. В частности, профессор Н. П. Каменщиков в «Замечаниях о некоторых противоречиях, наблюдаемых в работе севфака», датированных 15 марта 1928 г., отмечал, что студент «сравнительно надолго (на 4–5 лет) вырывается из родной

ему обстановки, отрывается от среды, отвыкает от местных условий жизни и быта и деклассируется» (Каменщиков, 1928, л. 1). Среди других проблем он называл отсутствие учебников, низкое качество подготовки студентов (изначально для поступления даже не требовалось знание русского языка [Правила приема, 1928, л. 6]), недостаточное число подготовленных преподавателей. Отличительной особенностью учреждения являлось то, что оно создавалось искренними революционерами во главе с В. Г. Тан-Богоразом — ученым нового типа, признанным старшими коллегами, но одновременно ревностным борцом за новую науку и культуру, стремившимся воспитать «красных шаманов» [Воскобойников, 1976, с. 153]. Для него они были «живым свидетельством того, что революция проникла и туда, и начинается огромная работа по советизации этой забытой и обиженной окраины» [Тан-Богораз, 1931, с. 111]. Деятельность Института получает амбивалентные оценки исследователей. Разумеется, высоко отзывались о ней советские специалисты, подавая в виде трогательных историй о знакомстве «человека ниоткуда» с большой землей [Омельчук, 1981]. Традиция отношения к Институту как важной части успешно реализованной программы социалистического строительства на Крайнем Севере во многом сохраняется и сейчас [Североведение, 2003]. Встречаются и более скептические оценки [Алексеева, 2006, с. 276], которые, на наш взгляд, более справедливы.

Если Институт народов Севера продолжал развиваться вплоть до войны, то судьба учреждения, из которого он выделился, Центрального института живых восточных языков, образованного декретом СНК РСФСР от 7 сентября 1920 г., была трагичной. Цели создания Института были очевидны — подготовка научных кадров и работников для практической деятельности на Востоке. Автор идеи создания института, В. Л. Котвич, ученый «старой школы», смог ее осуществить, но в 1923 г. репатриировался в Польшу. Многие его коллеги по Институту, в частности П. И. Воробьев, А. Н. Самойлович и Ю. К. Шуцкий, в период Большого террора были расстреляны [Алматов, 1990, с. 113–119]. Общие потери Института от репрессий были столь велики, что в 1938 г. он был закрыт.

х х х

Многие идеи научных проектов были созданы в предреволюционную эпоху, однако смогли состояться только после 1917 г. В первую очередь речь идет о тех, реализация которых обещала способствовать восстановлению промышленности и экономики. При этом поддержка большевистской власти не гарантировала финансового благополучия в первые послереволюционные годы, с чем отчасти связаны постоянные пертурбации, неразбериха в работе учреждений, выделения одних из других, а потом вновь слияния, изменение названий и т. п. Одновременно политика расширения научно-образовательных центров, да и сам революционный дух эпохи позволяли реализовываться смелым планам, история которых заслуживает внимания, даже если она была очень краткой. Отдельная тема — «бумажная наука», подобно «бумажной архитектуре» раннего советского авангарда — оставление из-за отсутствия финансирования или неподдержки властью нереализованными масштабных и очень интересных проектов. Последнее чаще всего случалось с гуманитарными науками, как из-за их «бесполезности» в глазах власти, так и боль-

шей политизированности. В связи с этим именно гуманитариям ради сохранения определенного статуса приходилось усиленно доказывать власти собственную нужность, автоматически отказываясь от идеологического суверенитета.

В 1920-х гг. во многом сохранялись традиции, сформированные в дореволюционную эпоху. Тотальное огосударствление науки и невозможность привлечения частных инвестиций привели к развитию неофициальных способов решения административных проблем путем обращений к видным большевикам и использованию личных контактов с ними. Такие связи могли, как позволить добиться реализации и поддержки проектов, так и, наоборот, привести к краху в случае попадания в немилость партийного покровителя.

На протекцию было легче рассчитывать представителям технических и естественно-научных дисциплин, хотя реформы в области технического образования рубежа 1920–1930-х гг., направленные на скорейшую подготовку специалистов и технизацию образования, могли играть и негативную роль. Подобно ситуации в промышленности, в науке период рубежа 1920–1930-х гг. характеризовался как движением вперед, постановкой и решением поистине масштабных задач, так и неразберихой, частой непродуманностью решений и иррациональностью в их реализации.

Роковой для ряда научных центров стала идеологизация науки, акселерация которой началась в середине 1920-х гг. Стремление власти к полному контролю научной жизни натолкнулось на желание ученых сохранить собственный высокий статус и в условиях ограниченных ресурсов победить в конкурентной борьбе. Эти процессы проходили во многом по тем же сценариям, что и политические, оканчиваясь триумфом одних и гибелью других. При этом победа в борьбе гарантировалась не научной ценностью и даже не степенью соответствия теории или научного направления государственной идеологии, а умением доказывать власти свою правоту, амбициями и способностью адаптироваться под быстро меняющуюся конъюнктуру.

Архивные источники

Журнал заседания Совета РАИМК 14 августа 1919 г. // Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук (РО НА ИИМК РАН). Ф. 2. Оп. 1 (1919). Д. 4.

Каменщиков Н. П. Замечания о некоторых противоречиях, наблюдаемых в работе севфака // ЦГА СПб. Ф. 7222. Оп. 9. 1928 г. Д. 44.

Марр Н. Я. Наука и социалистическое строительство // СПФ АРАН Ф. 800. Оп. 1. Д. 2418.

Объяснительная записка к проекту устава Института прикладной химии при научном отделе ВСНХ // ЦГИА СПб. Ф. 974. Оп. 1. Д. 16. Л. 13–25.

Объяснительная записка к проекту устава Института прикладной химии при научном отделе ВСНХ // ЦГИА СПб. Ф. 974. Оп. 1. Д. 16. Л. 13–25.

Отчет о деятельности Психологического Института за 1916 г. // ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1 (1917–1930). Д. 98.

Письмо Н. Я. Марра С. Ф. Ольденбургу от 13 июня 1924 г. // СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 45 об. (45–45 об.)

Пояснительная записка о проекте организации «Института по заготовлению химических препаратов» // ЦГИА СПб. Ф. 974. Оп. 1. Д. 24.

Правила приема на Северный факультет Ленинградского Восточного института им. А. С. Енукидзе // ЦГА СПб. Ф. 7222. Оп. 9. 1928 г. Д. 44.

Протоколы заседания Совета Яфетического Института Российской Академии Наук. 1923 г. // СПФ АРАН. Ф. 77. Оп. 1. Д. 3.

Троцкая Н. И. Телеграмма Н. Я. Марру от 21.08.1919 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1.

Литература

Акименко М. А., Шерешевский А. М. История Института имени В. М. Бехтерева на документальных материалах. Ч. 2 [1918–1947]. СПб.: С.-Петербург. н.-и. психоневрол. ин-т, 2000. — 294 с.

Александров Д. А., Кременцов Н. Л. Опыт путеводаителя по неизведанной земле. Предварительный очерк социальной истории советской науки (1917–1950-е годы) // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 4. С. 67–80.

Алексеева Л. В. Подготовка национальной интеллигенции в Институте народов Севера в 30-е гг. XX в.: (на примере национальных округов севера Западной Сибири) // Культура и интеллигенция меняющихся регионов России: XX век. Интеллектуальные диалоги: XXI век. Россия — Сибирь — Казахстан. Омск, 2006. С. 275–280.

Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2011. 288 с.

Алпатов В. М. Мартиролог востоковедной лингвистики // Вестник АН СССР. 1990. № 12. С. 110–121.

Анфертьева А. Н. От составителя // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. Т. 9. № 1. С. 11–19.

Богданов А. А. Наука и пролетариат // Богданов А. А. О пролетарской культуре: 1904–1924. Л.; М.: Издательское товарищество «Книга», 1924. С. 222–230.

Богданов К. А. Наука в эпическую эпоху: классика фольклора, классическая филология и классовая солидарность // Новое литературное обозрение. 2006. № 78. С. 86–125.

Быковский С. Н. Н. Я. Марр и его теория. К 45-летию научной деятельности. — М.: ОГИЗ, Ленсоцэзгиз, 1933. 100 с.

Воскобойников М. Дыхание Севера (к 50-летию Ленинградского Института народов Севера) // Сибирские огни. 1976. № 5. С. 148–158.

Державин Н. Борьба за высшую школу // Последние новости. 1923. № 10 (32). 5 марта. С. 2.

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

Курепин А. А. Наука и власть в Ленинграде. 1917–1937 гг. СПб.: Нестор, 2003а. 360 с.

Курепин А. А. Реорганизация научных учреждений в Ленинграде в 1926–1932 годах // Вопросы истории. 2003б. № 12. С. 142–148.

Лавренев Б. А. Небесный картуз // Лавренев Б. А. Седьмой спутник. Роман. Повести. Рассказы. М.: Советский писатель, 1968. С. 545–584.

Леонов Л. Скутаревский // Леонов Л. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Запись на берегу: Поэма; Повести; Соть: Роман; Скутаревский: Роман. М.: Книжный клуб Книгобек, 2013. С. 479–805.

Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр. Очерки его жизни и научной деятельности. 3-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 555 с.

Никифорова Н. В. Технологические новинки при императорском дворе: электричество в практиках репрезентации власти // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 1. № 2. С. 145–150.

Омельчук А. Институт народов Севера // Дальний Восток. 1981. № 1. С. 127–132.

Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917–начало 1930-х гг.). М.: Индрик, 2004. 432 с.

Ростовцев А. Е. Испытание патриотизмом: Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. 2009. Вып. 29: Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. С. 308–324.

Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. К вопросу об образовании медицинского факультета Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. Т. 23. № 5. С. 57–60.

Североведение в Герценовском университете. Институт народов Севера / науч. ред. Г. А. Бордовский. СПб.: Астерион, 2003. 195 с.

Сидорчук И. В. Институт мозга В. М. Бехтерева в условиях идеологической борьбы 1920-х годов // Вопросы психологии. 2017. № 1. С. 142–151.

Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения 1916 год. Пг.: Сенатская типография, 1916. 880 с.

Тан-Богораз В. Народы Севера // Наши достижения. 1931. № 7–8. С. 110–119.

Тункина И. В. «Дело» академика Жебелева // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. Вып. II. СПб.: Алетейя, 2000. С. 116–161.

Устав Российской академии истории материальной культуры: утв. Гос. ученым советом 21 октября 1919 г. [Пг.], 1919. 30 с.

Эренбург И. Г. Рвач. Роман // Эренбург И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников: Романы. Рассказы. М.: Эксмо, 2008. С. 265–580.

The Main Features of Institutionalization of the New Scientific Institutions in Post-Revolutionary Russia (on the Example of Petrograd-Leningrad)

ILIA V. SIDORCHUK

Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Institute of Humanities,
Higher School of Social Sciences,
St Petersburg, Russia;
e-mail: chubber@yandex.ru

Abstract: In the article, the author attempts to identify the main tendencies in the institutionalization of scientific institutions in post-Revolutionary Russia, to identify the problems appeared during the creation of new scientific centers and to analyze the solutions, selected by the scientific community. The research is based on published and archival sources, which helped to identify strategy of the relationship between the scientific elite with the government during the studied period. The author proceeds from the idea of continuity of the historical experience and traditions of pre-revolutionary and Soviet science. On the example of a number of scientific centers of the main scientific center of the country, Petrograd-Leningrad (The Institute for the History of Material Culture, Japhetic Institute, Institute for Brain and Mental Activity Research, Institute of peoples of the North, The Russian Institute of Applied Chemistry, etc.) the author shows the fate of scientists and their projects, analyzes the reasons of their success or failure. Special attention is paid to the issue of the introduction of Marxism into science in the 1920s, and its penetration in science for various research centers. The author comes to the conclusion that tendencies in the development of science formed in the pre-revolutionary era were largely preserved in the 1920s. At the same time, some ideas of science projects could take place only after October 1917. The article also compares the features of the development of humanitarian, technical and scientific research centers.

Keywords: history of science, the scientific community and the government, the institutionalization of science, Soviet science in the 1920s, history of higher education.

Archival Sources

Zhurnal zasedanija Soveta RAIMK 14 avgusta 1919 g. [Journal of the meetings of the Board of RAMC 14 Aug 1919], Rukopisnyj otdel Nauchnogo arhiva Instituta istorii material'noj kul'tury Rossijskoj Akademii nauk [Manuscript Department of the Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences] (MDSA IHMC RAS), f. 2, op. 1 (1919), d. 4.

Kamen'shhikov N. P. *Zamechanija o nekotoryh protivorechijah, nabljudajemyh v rabote sevfaka* [Comments about some of the contradictions observed in the work of Northern faculty], Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga [Central state archive of St. Petersburg] (CSA SPb), f. 7222, op. 9 (1928), d. 44.

Marr N. Ja. *Nauka i socialisticheskoe stroitel'stvo* [Science and socialist construction], Sankt-Peterburgskij filial Arhiva Rossijskoj Akademii nauk [St Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences] (SPbB ARAS), f. 800, op. 1, d. 2418.

Objasnitel'naja zapiska k projektu ustava Instituta prikladnoj himii pri nauchnom otdele VSNH [The explanatory note to the draft of the Charter Institute of applied chemistry at the scientific Department of the Supreme economic Council], Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskii arhiv Sankt-Peterburga [Central state historical archive of St. Petersburg] (CSHA SPb), f. 974, op. 1, d. 16. l. 13–25.

Otchet o dejatel'nosti Psiho-Nevrologicheskogo Instituta za 1916 g. [Report on the activities of the Psycho-Neurological Institute in 1916], CSA SPb, f. 2555, op. 1 (1917–1930), d. 98.

Pis'mo N. Ja. Marra S. F. Ol'denburgu ot 13 ijunja 1924 g. [The letter of N. Ya. Marr to S. F. Oldenburg dated 13 June 1924], SPbB ARAS, f. 208, op. 3, d. 371.

Pojasnitel'naja zapiska o proekte organizacii «Instituta po zagotovleniju himicheskikh preparatov» [Explanatory note on the project of organization “Institute for the procurement of chemicals”], CSHA SPb, f. 974, op. 1 d. 24.

Pravila priema na Severnyj fakul'tet Leningradskogo Vostochnogo instituta im. A. S. Enukidze [Rules of admission to the Northern Department of the Leningrad Oriental Institute of A. S. Yenukidze], CSA SPb, f. 7222, op. 9 (1928), d. 44.

Protokoly zasedanija Soveta Jafeticheskogo Instituta Rossijskoj Akademii Nauk. 1923 g. [The minutes of the meeting of the Council of the Japhetic Institute of the Russian Academy of Sciences. 1923], SPbB ARAS, f. 77, op. 1. d. 3.

Trockaja N. I. *Telegramma N. Ja. Marru ot 21.08.1919 g.* [Telegram from N. Ya. Marra 21.08.1919], MDSA IHMC RAS, f. 2, op. 1, d. 1.

References

Akimenko M. A., Shereshevskij A. M. (2000) *Istorija Instituta imeni V. M. Behtereva na dokumental'nyh materialah. Ch. 2 [1918–1947]* [A history of Institute named after V. M. Bekhterev on the documentary materials. Part 2], St. Petersburg, S.-Peterburgskii psihonevrologicheskii institut (in Russian).

Aleksandrov D. A., Kremencov N. L. (1989) *Opyt putevoditelja po neizvedannoj zemle. Predvaritel'nyj ocherk social'noj istorii sovetskoj nauki (1917–1950-e gody)* [Experience guide to the unexplored land. Preliminary sketch of the social history of Soviet science (1917–1950 years)], *Voprosy istorii estestvoznaniija i tehniki* [Studies in the History of Science and Technology], 4, 67–80 (in Russian).

Alekseeva L. V. (2006) *Podgotovka nacional'noj intelligencii v Institute narodov Severa v 30-e gg. XX v.: (na primere nacional'nyh okrugov severa Zapadnoj Sibiri)* [Preparation of the national intelligentsia in the Institute of peoples of the North in the 30-ies of the XX century (by the example of the national districts of the North of Western Siberia)], in *Kul'tura i intelligencija menjajushhijhsja regionov Rossii: XX vek. Intellektual'nye dialogi: XXI vek. Rossija — Sibir' — Kazahstan* [Culture and intellectuals changing regions of Russia: XX century. Intelligent dialogue: the XXI century. Russia — Siberia — Kazakhstan], p. 275–280, Omsk (in Russian).

Alpatov V. M. (2011) *Istorija odnogo mifa: Marr i marrizm. Izd. 3-e* [The Story of a myth: Marr and marrism. 3rd edition], Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Alpatov V. M. (1990) *Martirolog vostokovednoj lingvistiki* [The martyrology of Oriental linguistics], *Vestnik AN SSSR* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR], 12, 110–121 (in Russian).

Anfert'eva A. N. (2013) *Ot sostavitelja* [From compiler], *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskikh issledovanij* [Acta Linguistica Petropolitana. Works of the Academy of Sciences], 9(1), 11–19 (in Russian).

Bogdanov A. A. (1924) *Nauka i proletariat* [Science and the proletariat], in Bogdanov A. A. *O proletarskoj kul'ture: 1904–1924* [About proletarian culture], p. 222–230, Leningrad; Moscow: Izdatel'skoe tovarishhestvo «Kniga» (in Russian).

Bogdanov K. A. (2006) *Nauka v jepicheskuju jepohu: klassika fol'klora, klassičeskaja filologija i klassovaja solidarnost'* [Science in the epic era: the classics of folklore, classical Philology and class solidarity], *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 78, 86–125 (in Russian).

Bykovskij S. N. (1933) *N. Ja. Marr i ego teorija. K 45-letiju nauchnoj dejatel'nosti* [N. Ya. Marr and his theory. The 45th anniversary of scientific activity], Moscow: OGIz, Lencsojckegiz (in Russian).

Voskoboynikov M. (1976) *Dyhanie Severa (k 50-letiju Leningradskogo Instituta narodov Severa)* [The Breath of the North (to the 50th anniversary of the Leningrad Institute of peoples of the North)], *Sibirskie ogni* [Siberian lights], 5, 148–158 (in Russian).

Derzhavin N. (1923) *Bor'ba za vysshuju shkolu* [The struggle for the higher school], *Poslednie novosti* [Last news]. 10 (32), March 5, p. 2 (in Russian).

Kun T. (1977) *Struktura nauchnyh revoljucij* [The Structure of scientific revolutions], Moscow, Progress (in Russian).

Kurepin A. A. (2003) *Nauka i vlast' v Leningrade. 1917–1937 gg.* [Science and power in Leningrad. 1917–1937's], St. Petersburg, Nestor (in Russian).

Kurepin A. A. (2003) *Reorganizacija nauchnyh uchrezhdenij v Leningrade v 1926–1932 godah* [Reorganization of scientific institutions in Leningrad in 1926–1932] // *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2003. № 12. P. 142–148 (in Russian).

Lavrenev B. A. (1968) *Nebesnyj kartuz* [Celestial cap], in: Lavrenev, B. A. *Sed'moj sputnik. Roman. Povesti. Rasskazy* [The seventh satellite. Roman. Story. Stories], p. 545–584, Moscow, Sovetskij pisatel' (in Russian).

Leonov L. (2013) *Skutarevskij* [Skutarevsky], in: Leonov, L. *Sobranie sochinenij: In 6 tomes. T. 3: Zapis' na bereste: Pojema; Povesti; Sot': Roman; Skutarevskij: Roman* [Collected works: In 6 tomes. T. 3: Record on birch bark: a Poem; Novel; Sot': Roman; Skutarevsky: a novel], p. 479–805, Moscow, Knizhnyj klub Knigovek (in Russian).

Mihankova V. A. (1949) *Nikolaj Jakovlevich Marr. Očerki ego zhizni i nauchnoj dejatel'nosti. 3-e izd.* [Nikolaj Yakovlevich Marr. Essays on his life and scientific activities. 3rd edition], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR (in Russian).

Nikiforova N. V. (2015) *Tehnologičeskie novinki pri imperatorskom dvore: jelektrichestvo v praktikah reprezentacii vlasti* [Technological Novelties at the Imperial Court: Electricity in Practices of Power Representation], *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik* [Yaroslavl pedagogical Bulletin], 1(2), 145–150 (in Russian).

Omel'čuk A. (1981) *Institut narodov Severa* [Institute of peoples of the North], *Dal'nij Vostok* [Far East], 1, p. 127–132 (in Russian).

Robinson M. A. (2004) *Sud'by akademičeskoi jelity: otečestvennoe slavjanovedenie (1917 — nachalo 1930-h godov)* [The fate of the academic elite: Russian Slavic studies (1917 — the beginning of 1930-ies)], Moscow, Indrik (in Russian).

Rostovcev A. E. (2009) *Ispytanie patriotizmom: Professorskaja kollegija Petrogradskogo universiteta v gody Pervoj mirovoj vojny* [The test of patriotism: the Professorial Board of the University of Petrograd during the World War First], *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 29: Mir i vojna: aspekty intellektual'noj istorii, p. 308–324 (in Russian).

Rostovcev E. A., Sidorčuk I. V. (2015) *K voprosu ob obrazovanii medicinskogo fakul'teta Petrogradskogo universiteta v gody Pervoj mirovoj vojny* [The canceled faculty: on the issue of establishment

of medical faculty of the Petrograd university during the World War First], *Problemy social'noj gigieny, zdavoohranenija i istorii mediciny* [Problems of social hygiene, healthcare and history of medicine], 23(5), p. 57–60 (in Russian).

Severovedenie v Gercenovskom universitete. Institut narodov Severa, 2003, [Studying the North at the Herzen university. Institute of nations of the North], G. A. Bordovskij (ed.), St. Petersburg, Asterion (in Russian).

Sidorchuk I. V. (2017) Institut mozga V. M. Behtereva v uslovijah ideologicheskoj bor'by 1920-h godov [V. M. Bekhterev's Brain Institute in the time of ideological confrontations of the 1920s]. *Voprosy psichologii* [Questions of psychology], 1, p. 142–151. (in Russian).

Spisok lic, sluzhashhih po vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshhenija 1916 god [The list of persons serving on Department of the Ministry of education in 1916], 1916, Petrograd, Senatskaja tipografija (in Russian).

Tan-Bogoraz V. (1931) Narody Severa [The Peoples Of The North]. *Nashi dostizhenija* [Our achievements], 7–8, p. 110–119 (in Russian).

Tunkina I. V. (2000) «Delo» akademika Zhebeleva [“Case” of academician Zhebelev], in: *Drevnij mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii: Al'manah* [The ancient world we are: the Classical heritage in Europe and Russia: Almanac]. Vol. II., p. 116–161, St. Petersburg, Aletejja (in Russian).

Ustav Rossijskoj akademii istorii material'noj kul'tury. Uverzhden Gos. Uchenym Sovetom 21 oktjabrja 1919g. [The Charter of the Russian Academy of history of material culture. Approved by the State Academic Council 21 October 1919], 1919, [Petrograd] (in Russian).

Jerenburg, I. G., 2008, Rvach [Grabber], in: Jerenburg, I. G. *Nebychajnye pohozhdenija Hulio Hurenito i ego uchenikov: Romany. Rasskazy* [The Extraordinary Adventures of Julio Jurenito and His Disciples. Novels. Stories], p. 265–580, Moscow, Jeksno (in Russian).

НАУЧНЫЕ КАДРЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПОПОВИЧ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Государственного учреждения «Институт исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г. М. Доброва НАН Украины»,
Киев, Украина;
e-mail: Olexandr.popovych@gmail.com

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА КОСТРИЦА

младший научный сотрудник
Государственного учреждения «Институт исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г. М. Доброва НАН Украины»,
Киев, Украина;
e-mail: steps_2004@mail.ru

УДК 001.32

Поиск оптимального пути восстановления кадрового потенциала украинской науки

На основе предложенного авторами метода прогнозирования эволюции кадрового потенциала науки, учитывающего глубокую взаимосвязь и взаимообусловленность соседних возрастных групп работников науки, рассчитаны возможные варианты такой эволюции состава исследователей в Украине до 2035 г. Показано, что при отсутствии кардинальных изменений отношения в стране к науке и сохранении тенденций последних пяти лет к концу этого периода их численность уменьшится в 4,6 раза по сравнению с 2015 годом. В то же время даже в случае, если существенное увеличение заработной платы и условий труда для молодежи в науке и ученых среднего возраста приведет к увеличению их притока в науку на 25 % в течение каждого последующего пятилетия и не будет допускаться ухода более 1 % в год исследователей старше 30 лет, существенно нарастить кадровый потенциал науки не удастся — в лучшем случае произойдет его стабилизация.

Только безотлагательная реализация варианта с удвоением за каждое пятилетие притока молодежи в науку дает возможность достигнуть к 2035 г. численности исследователей, сравнимой с той, которая была в начале девяностых годов прошлого столетия, то есть приблизиться к их числу на 1 млн населения, которое имеется сейчас в странах ЕС. Если же отложить принятие кардинальных мер такого плана до 2020 года, то даже при форсированном